

UOT 327.5

КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ПРИЗМЕ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

М.В.БАБА-ЗАДЕ*Бакинский Государственный Университет*
mehribanbabazade@mail.ru

Представленная статья посвящена анализу проблемы отношения гуманитарной интервенции к концепции государственного суверенитета и невмешательства других государств в его внутренние дела. Для межгосударственных отношений суверенитет - принцип, который является наряду с другими (население, территория, публичная власть, право, налоги, легальное правовое принуждение и др.) важнейшим качеством государства. Учитывая то, что гуманитарная интервенция носит характер принудительных мер, направленных на защиту прав человека, она тесно связана с двумя важными проблемами: защита прав человека и целесообразное применение вооруженной силы в международных отношениях. Поэтому, на наш взгляд, существует необходимость скорейшего внесения в Устав ООН ряда принципиальных норм, четко определяющих условия возможного проведения гуманитарных интервенций; также давно назрел вопрос о реформировании самих институтов ООН, что позволит организации не только стать вновь центром системы коллективной безопасности, но и поднять свой авторитет.

Ключевые слова: государственный суверенитет, гуманитарная интервенция, международное право, безопасность, вмешательство во внутренние дела, территория, применение силы, права человека, международный мир, демократия

Сегодня внутриполитические процессы и события, происходящие на территории одной страны, могут оказать негативное воздействие на развитие других стран и на международную жизнь в целом. Особенно опасные ситуации, такие как конфликты на межэтнической почве и массовые нарушения основных прав и свобод человека в той или иной стране, которые не оставляют равнодушными другие государства и международное сообщество, влекут за собой их реакцию и вмешательство. Как одна из форм такого вида вмешательства в последние годы все чаще используется т.н. «гуманитарная интервенция». Под гуманитарной интервенцией обычно подразумевается применение вооруженной силы одним государством или группой государств против другого государства, нацеленное на предотвращение или окончание широко распространенных и серьезных нарушений основных прав человека (граждан этой страны), без

разрешения государства, против которого сила применяется. Таким образом, подвергается сомнению традиционное первенство и исключительность государств в международной системе и движущийся акцент перемещается с безопасности государства к безопасности людей. В представленной статье делается попытка ответить, создал ли такой императив ситуацию, в которой государственный суверенитет разрушается или же по-прежнему остается сильным.

Государство издавна играло центральную роль в международном праве, и одним из следствий этого факта явилась концепция государственного суверенитета. Классическая концепция суверенитета, как принято считать, принадлежит перу Жана Бодена, французского философа и юриста XVI века. Находясь под впечатлением религиозных и гражданских войн во Франции XVI в., он утверждал, что «суверенитет есть абсолютная и постоянная власть Государства...». Боден считал, что только авторитет центральной и неограниченной власти, обладающей верховенством по отношению к позитивному праву, может положить конец политическим беспорядкам [2, 689-695]. Таким образом, дается понять, что суверенитет един, неделим и безусловен. Вскоре после этого, в 1651 г., вышла другая известная книга, исследующая проблему суверенитета, «Левиафан» Томаса Гоббса. Для установления верховной власти Гоббс считал необходимым, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые являлись бы их представителями, и чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воле и суждению носителя верховной власти. При этом Гоббс полагал, что верховная власть должна принадлежать правителю и отказывался признавать какое-либо право народа [3].

В отличие от Гоббса, Жан-Жак Руссо в своем «Об общественном договоре» отождествляет суверенное государство с политикой от имени народа [7]. Общественный договор Руссо опирался на свободное согласие всех людей, каждый человек добровольно подчинялся общей и абсолютной воле народа, а государство, как воплощение общей воли, наделялось абсолютным и неограниченным суверенитетом. К тому времени, когда книга Руссо была издана, Вестфальская система международных отношений уже находилась в стадии развития, устанавливая новую систему равных, суверенных государств Европы. Часто уподобляемый соглашению Гоббса каждого человека с каждым человеком, мир Вестфалии принес соглашение каждого государства с каждым государством на неприкосновенность верховной власти государства на его территории и их взаимное равенство [14, 14].

Вестфальский мир 1648 г. был первым шагом к юридической институционализации суверенитета, и постепенно начиная с него суверенитет развился в центральную концепцию международных отношений, разработанную, чтобы гарантировать два ключевых момента - высшая власть государства на его территории и невмешательство других государств в

его внутренние дела [1, 63].

Сущностное содержание понятия суверенитета с тех пор изменениям не подвергалось. Подавляющее большинство ученых и практиков на сегодня сходятся в том, что под суверенитетом государства понимается верховенство и независимость государственной власти внутри своей страны и по отношению к другим государствам [4, 47; 16]. Итак, как можно прийти к выводу, суверенитет государства - есть верховенство государственной власти на всей территории и невозможность оспаривать ее иными государствами и какими-либо внутренними политическими силами. Формулой суверенитета можно считать верховенство государственной власти внутри страны и ее независимость на международной арене. Вместе с тем, юридическая природа суверенитета нередко умалчивается в пользу политической его составляющей. Политическое его происхождение очевидно, но неоспоримо и то, что понятие суверенитета нормативно закреплено Вестфальскими договорами, подтверждено Ялтинскими и Потсдамскими соглашениями, Уставом и Конвенциями ООН и Совета Европы и иными актами международных и региональных организаций.

Вместе с тем, как мы убеждаемся, вызовы глобализации, усиливают значение правовой стороны суверенитета, ибо ни одна самая увлекательная или практически значимая идея, окантованная блеском самых убедительных понятий, не может материализоваться, пока не получит нормативно-правовое признание. С другой стороны – наблюдается стремление выхолостить само содержание понятия суверенитета, употребляются высказывания о «закате суверенитета», утверждается, что главным следствием глобализации является «значительное ослабление государственного суверенитета под напором действий иных субъектов современного мирового процесса». Идею размывания суверенитета такие известные западные публицисты как С.Хантингтон, Э.Тоффлер, Ф.Фукуяма и др. обосновывают конструированием концепций стержневого государства, универсального и однородного государства, ускорением перемен в мире информации и т.д.

Однако, тем не менее, сущность суверенитета не меняется, также, как и основополагающие характеристики государства, демократии или личности. Меняются глубина его понимания, фон качественных характеристик и динамично, опосредовано через государство воздействующие на него внутренние и внешние условия [5, 26].

Широко распространено мнение, что невмешательство является нормой в международном сообществе, поскольку международное право ограничивает применение силы, за исключением целей самообороны или путем коллективного принуждения, как это разрешено Советом Безопасности ООН [10]. Вместе с тем, каждое государство имеет обязательства перед гражданами других стран по недопущению систематических нарушений прав человека («обязательство защищать»), что ставит задачу по защите прав человека выше принципов территориальной целостности и

невмешательства во внутренние дела. Таким образом, возникает дилемма, как международное сообщество должно реагировать, когда правительства совершают акты геноцида, преступления против человечности или другие массовые злодеяния против своих граждан? При этом возникают сложные вопросы. Были ли правительства неспособны избежать таких злоупотреблений или они разразились гражданской войной и/или анархией? Предоставляет ли суверенитет стране одеяло легитимности для бесчеловечного обращения с собственным населением? Не должны ли суверенные государства защищать безопасность своих граждан превыше всего? Есть ли у международного сообщества правовая и моральная обязанность защищать своих сограждан по всему миру? [1, 66]. Все это и подтверждает тот факт, что гуманитарная интервенция является уже на протяжении многих лет объектом серьезных и противоречивых дискуссий, которые в первую очередь касаются легитимности подобных операций в рамках международного права. Важнейшей проблемой, с которой исследователи сталкиваются, оказывается коллизия между юридическим принципом суверенитета государства и моральным императивом защиты прав человека.

Принятая 10 декабря 1948 г. Всеобщая декларация прав человека стала первым юридическим документом, который конкретно отразил обширный и подробный список прав человека и заявил, что действия стран и их законы должны отражать универсальные стандарты, изложенные в документе, и ими должны обладать все люди. В связи с этим, многие авторы и считают, что этот документ никогда не предназначался только для того, чтобы быть дополнительным набором рекомендаций, но обязательной доктриной, обязательной для исполнения государствами в отношении своих граждан в пределах собственных границ.

Полагаем, что стоит согласиться с мнением политолога Стенли Хоффмана, считающего, что государство, которое требует уважения суверенитета, заслуживает уважения только пока защищает основные права своих граждан, поскольку именно их права являются источником его суверенитета, и если оно их нарушает, и его суверенитет исчезает [13, 42]. Один из самых авторитетных авторов в области защиты прав человека и гуманитарного вмешательства Томас Вайс пишет, что когда определенное правительство не защищает права человека или даже сознательно нарушает основные свободы, создаются условия извне вмешаться и применить силу, чтобы защитить основные права человека, несмотря на то что это может характеризоваться как «вне закона» по отношению к Уставу ООН. Исходя из этого Вайс считает, что суверенитет не становится менее значимым, оставаясь существенным принципом международных отношений. Однако это - «суверенитет людей, а не суверенитет суверена» [18, 97]. По мнению британской исследовательницы Карин Фирк, вероятность коллизии между суверенитетом и правами человека сегодня весьма высока, поскольку международное сообщество готово принуждать к соблюде-

нию прав человека, расплачиваясь за это нарушением равновесия, мира [11, 66-67].

В 2005 году, как новая норма международного права, была принята инициатива ООН «Обязанность защищать». Она состоит из нескольких принципов, объединенных идеей о том, что суверенитет является не привилегией, а обязанностью. В соответствии с данной концепцией суверенитет не только предоставляет государствам право контролировать свои внутренние дела, но и налагает ответственность по защите людей, проживающих в пределах границ этих государств. В тех же случаях, когда государство не способно защитить людей – ответственность переходит к международному сообществу [9, 153].

В качестве примера можно рассмотреть успехи и неудачи международного вмешательства в Сирии с использованием основных принципов, поддерживающих концепцию «Ответственность за защиту». Сирийский конфликт превратился из внутреннего политического протеста в международное дело. Именно вмешательство «сверхдержав», таких как США и Россия, повлияло на масштаб сирийского конфликта в другом направлении, чем то, что произошло бы без их участия. Россия решительно выступала против господства США на Ближнем Востоке и в конечном итоге отреагировала катализатором, усилив конфликт. Вмешательство России в Сирию выявило важные изменения во внешнеполитическом мышлении России в целом [8]. Конфликт был важен для России, потому что режим Башара Асада является ее единственным оставшимся геостратегическим союзником в регионе. Таким образом, можно видеть, что намерения России отличались от намерений Соединенных Штатов, потому что их вмешательство не было мотивировано международным гуманитарным правом, оно было продиктовано личными интересами [12, 98-99; 14, 565].

Конфликт в Сирии разразился в марте 2011 г., вследствие череды восстаний, охвативших несколько арабских стран, включая Сирию. В начале сирийского конфликта заинтересованные стороны предсказывали, что его исход будет аналогичен исходу революций в Египте и Ливии или другим арабским государствам, пострадавшим от «арабской весны». Однако, мирные протесты в Сирии встретили бурную реакцию и оказались одним из самых катастрофических гуманитарных кризисов, которые в конечном итоге привели к гражданской войне. Эта эскалация была результатом внешнего вмешательства.

По статистике Управления ООН по координации гуманитарной деятельности по состоянию на октябрь 2016 г. с начала сирийского конфликта насчитывалось более 280 000 человек, 4,8 млн. сирийских беженцев и не менее 6,1 млн. внутренне перемещенных лиц, что является самым большим числом людей, перемещенных в результате любого конфликта в мире [17]. Комиссия по расследованию, уполномоченная Советом ООН по правам человека, заявила, что сирийские правительственные силы со-

вершили преступления против человечности в рамках государственной политики. Авиаудары сирийского правительства по жилым районам нарушили резолюцию 2139 СБ ООН, которая требовала от всех сторон прекратить нападения на мирных жителей и применение неизбирательного оружия. Комиссия по расследованию сообщила, что ополченцы, поддерживаемые правительством, и другие проправительственные силы совершали массовые нападения на население, совершая преступления против человечности, включая истребления, убийства, изнасилования, пытки, тюремное заключение, принудительное исчезновение и другие бесчеловечные действия.

Многочисленные вооруженные оппозиционные группировки, такие как Исламское государство Ирака и Сирии, также совершили военные преступления, нарушив международное гуманитарное право, нападая на религиозные меньшинства посредством массовых убийств и сексуального порабощения. По данным Сирийского наблюдательного центра по правам человека, в период с июня 2014 г. по октябрь 2016 г. Исламское Государство Ирака и Сирии казнило 4500 человек, в том числе из них почти 2450 гражданских лиц.

Государства почти всегда имеют смешанные мотивы для вмешательства и редко готовы жертвовать своими собственными солдатами за границей, если у них нет корыстных причин для этого. Для реалистов это означает, что подлинное гуманитарное вмешательство неосмотрительно, потому что оно не служит национальным интересам. По мнению других критиков, это предполагает, что сильные мира сего вмешиваются только тогда, когда им это удобно, и что стратегии вмешательства, скорее всего, будут руководствоваться расчетами национальных интересов, чем тем, что лучше всего для жертв, от имени которых якобы проводится вмешательство [10, 482].

Поскольку ООН не может обеспечить соблюдение прав человека, отдельные государства-члены подчас предпринимают индивидуальные или коллективные действия по решению указанных проблем. Без сомнения, такие действия будут критиковаться другими государствами. Главные аргументы против односторонней гуманитарной интервенции хорошо известны: принципы запрещения силы, невмешательства во внутренние дела другого государства, государственного суверенитета и возможность злоупотребления. Каждый из этих аргументов ясен и логичен, равно как аргументы в пользу возможности ограниченного применения силы для защиты находящегося в опасности гражданского населения. В любом случае право на применение силы в гуманитарных целях нельзя игнорировать, поскольку государства продолжают использовать вооруженные силы для защиты прав человека в других государствах и обосновывают свои действия гуманитарными нормами международного права. Можно сколько угодно рассуждать о неправомерности гуманитарной интервен-

ции, но вооруженная сила для спасения жизни людей применялась, применяется, скорее всего, будет применяться отдельными государствами [15, 99-100].

Следует учитывать по крайней мере несколько обстоятельств: во-первых, право на гуманитарную интервенцию имеет серьезные моральные основы; во-вторых, многие государства признают ограниченное право на применение силы в гуманитарных целях в соответствии с принципами и нормами международного права; в-третьих, многолетнее фактическое бездействие Совета Безопасности неизбежно вызывает активность других субъектов международных отношений в условиях угрозы международному миру и безопасности [6, 235].

Анализ современного международного права и практики государств позволяет сделать вывод о допустимости ограниченного применения государством вооруженной силы в условиях массовых и грубых нарушений прав человека в иностранном государстве при наличии:

- а) угрозы миру и безопасности, которая вызвана или сопряжена с массовыми и грубыми нарушениями прав человека;
- б) крайней необходимости, т.е. отсутствию каких-либо иных способов решения проблемы в силу массовых нарушений прав человека;
- в) гуманитарных целей вооруженных действий.

Только строгое соблюдение указанных критериев позволит судить о правомерности применения вооруженной силы для защиты прав человека и провести грань между правомерными и обоснованными действиями по защите прав человека и злоупотреблениями международным правом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранин Ж. Гуманитарная интервенция и новые измерения концепции государственного суверенитета // Вестник РУДН, 2014, №1, с.61-66
2. Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой политической мысли, т.2, М., 1999, с.689-695
3. Гоббс Т. Левиафан. М.: Рипол-Классик, 2017, 672 с.
4. Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М.: КомКнига, 2006, 72 с.
5. Макуев Р.Х. Несостоятельность идеи «ограниченного» суверенитета // Государство и право, 2008, №9, с.23-29
6. Крылов Н.Б. Международная безопасность, вооруженная сила и массовые нарушения прав человека // Труды Института государства и права РАН, 2013, 233-237
7. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М.: ТЕПРА, 2000, 544 с.
8. Averte D., Davies L. Russia, humanitarian intervention and the Responsibility to Protect: the case of Syria // Royal Institute of International Affairs. Oxford: John Wiley & Sons, 2015, 91 (4), pp. 813-834
9. Bellamy A.J. The Responsibility to Protect - Five Years On // Ethics & International Affairs, 2010, 24(2), pp.143-169
10. Bellamy A.J., Wheeler N.J. Humanitarian intervention in world politics, Oxford: Oxford University Press, 2014, p.480-491
11. Fierke K.M. Diplomatic Interventions. Conflict and Change in a Globalizing World. N.-Y.,

Palgrave Macmillan, 2005, pp.66-67

- 12.Hinnebusch R. Syria: from 'authoritarian upgrading' to revolution?// International Affairs, 2012, 88(2), 95-113
- 13.Hoffmann S. The Politics and Ethics of Military Intervention// Survival,1997, 4(37), pp.29-51
- 14.Hove H., Mutanda D. The Syrian Conflict 2011 to the Present: Challenges and Prospects. Journal of Asian and African Studies, 2015, Vol. 50(5), 559-570
- 15.Humanitarian Intervention: Ethical, Legal and Political Dilemmas. Cambridge, 2003, p.98-102
- 16.Shinoda H. Re-examining Sovereignty: from Classical Theory to the Global Age. N.-Y.: Palgrave Macmillan, 2000, 228 p.
- 17.The Global Centre for the Responsibility to Protect (2008). Retrieved December 12, 2016//<http://www.globalr2p.org/>
- 18.Weiss T. Humanitarian Intervention: Ideas in Action. Cambridge: Polity Press, 2012, 226 p.

HUMANİTAR MÜDAXİLƏ BAXIMINDAN DÖVLƏT SUVERENLİYİ KONSEPSİYASI

M.V.BABAZADƏ

XÜLASƏ

Təqdim olunan məqalə humanitar müdaxilənin dövlət suverenliyi konsepsiyası və digər dövlətlərin daxili işlərinə qarışmamaq barədə problemlərin təhlilinə həsr edilib. Münaqişələrin həllinə, sülhmərəmlik mövzusunda və təhlükəsizlik problemlərinə həsr edilmiş çoxlu sayda elmi işlərin olmasına baxmayaraq, "humanitar müdaxilə" konsepsiyasının ümumi siyasi əsaslarının nəzəri və praktiki cəhətdən formalaşdırılmasına ehtiyacın olduğu açıq aşkar hiss edilir.

Bu problemin birmənalı olmaması ümumi olaraq beynəlxalq hüquqda qəbul edilmiş suverenlik və ölkə ərazisində ali hakimiyyətin toxunulmazlıq prinsipləri ilə dünya ictimaiyyətinin hər hansı bir ölkədə kütləvi şəkildə insan hüquqlarının pozulması və insanların öldürülməsinə biganə qalmaması fikrinin qarşı-qarşıya olmasından yaranır.

Açar sözlər: dövlət suverenliyi, humanitar müdaxilə, beynəlxalq hüquq, təhlükəsizlik, daxili işlərə qarışma, ərazi, güc tətbiqi, insan haqları, beynəlxalq aləm, demokratiya

THE CONCEPT OF STATE SOVEREIGNTY IN THE PRISM OF HUMANITARIAN INTERVENTION

M.V.BABA-ZADEH

SUMMARY

The presented article is devoted to the analysis of the problem of the relationship of humanitarian intervention to the concept of state sovereignty and non-interference of other states in its internal affairs. Despite the existence of a large number of scientific works on conflict resolution, peacekeeping and security issues, the theoretical and practical need to develop a general political framework for the concept of "humanitarian intervention" is obvious. The ambiguity of this problem is generated by the combination of the generally recognized international legal principle of sovereignty and inviolability of the supreme power of a state on its territory with the growing conviction that the world community cannot remain indifferent to the death and massive violations of human rights in a particular state.

Key words: state sovereignty, humanitarian intervention, international law, security, interference in internal affairs, territory, use of force, human rights, international peace, democracy